
Я ехала на свидание с мужчиной моей жизни. Есть такой. Долгое время я не отдавала себе отчет, кем он был для меня. Доходило постепенно, какими-то рывками, но дошло наконец, и вот теперь я ехала к нему, полностью осознавая свои чувства и твердо решив сжать зубы и эти чувства от него скрывать, насколько меня хватит. Мы не виделись двадцать лет... Некогда нас разделила судьба, то есть сложнейшее сплетение всевозможных недоразумений, жизненных перипетий, гнета государственной системы, человеческой подлости и бог знает чего еще. Мы потеряли друг друга из виду, но во мне застряла и упрямо жила надежда, что он еще появится на моем пути. В моем воображении всплывала в красках сцена: иду, значит, я по весенней парижской улице, чудесным образом ни капельки не постаревшая, солнышко сияет, а навстречу мне идет он...

Ладно, не обязательно навстречу, может идти следом, не буду придираюсь к деталям. Идет, значит, за мной, устоялся на мои ноги и что-то такое знакомое видит в них...

Прошло двадцать лет, и он случайно разыскал меня. В самом деле чудо, ведь не идиотское же стечение обстоятельств? Услышав голос в телефонной

трубке, я сразу его узнала, хотя и не поверила собственным ушам. И мгновенно куда-то делись эти минувшие десятилетия, их не было, они просто не в счет, словно мы виделись на прошлой неделе или даже позавчера. Он взял и вернулся из времени и пространства.

И вот теперь я ехала на свидание, свидание не воображаемое, а самое что ни на есть реальное. Ехала счастливая и жутко взволнованная. А сердце терзали сомнения и тревоги: какой он увидит меня теперь, по прошествии этой бесконечной череды лет? Впрочем, его вина, что так легко рвались наши связи, вернее, он в этом виноват больше меня. Нет, судьба само собой, но и он тоже виноват. Холера. Понять — значит простить, понимала я его очень хорошо и соучастие в проделках судьбы давно простила. Вот только теперь не уверена, что ему следует об этом знать. О моих терзаниях он не имел понятия, я запросто могла затоптать эти тлеющие угли, но надо ли?..

Умнее всего было бы воспринимать эту поездку как туристическую. В конце концов, Париж есть Париж, а ведь еще можно и большой кусок Франции прихватить. Недельку провести в столице, а затем продолжить путешествие дальше на запад, потом на юг, к океану. Париж я всегда любила,

приморскую Францию тоже, что же, прокачусь по любимым местам; эти планы вроде как-то спасали мои амбиции, мой гонор. Но о чем это я? Когда появлялся он, глупым амбициям и гонору не оставалось места, ничто не имело значения... Может, настроиться на дружбу? Мы старые друзья-приятели... В конце концов, надо же и о своем достоинстве подумать!

И тут я сообразила — мчусь сейчас на встречу с ним, прямо как в прежние годы неслась, сломя голову, на свидание. Летела туда, где он ждал меня...

С чего вдруг мне пришло в голову ехать через Лодзь — понятия не имею. Глупее трудно было придумать, ведь границу я собиралась пересечь в Згожельце, а до Вроцлава удобнее всего добираться через Раву Мазовецкую и Пётркув-Трибунальский, потом на Белхатов и так далее. Лодзь я никогда не любила, а вело туда из Варшавы шоссе на Блоне, отличавшееся скверным асфальтом, который постепенно становился еще хуже. Ни смысла, ни логики не было в моем решении, просто умопомрачение какое-то.

И в сердце не шевельнулось ни малейшего предчувствия...

Конечно, на шоссе было не протолкнуться. И легковушки, и гигантские ТИРы неслись один

за другим. Памятуя о прошлых своих ошибках, я, проезжая через Лович, старалась не проглядеть указатель на Лодзь, потому как в Познани у меня никаких дел не было. И даже в Конине. А ведь как-то я не заметила поворота на Плоцк, вот и пришлось возвращаться в свой варшавский дом почти от Гданьска, куда я сдуру проскочила. А в Копенгагене какого дурака сваляла? Пропустила съезд на Роскилле и моталась потом по центру города. А еще раз было: из Любека напрямик помчалась в Ганновер, когда мне нужно было в Берлин. Да, и за границей, и на родине откалывала я номера, умудряясь заблудиться там, где другому это вряд ли бы удалось. Сейчас я не могла позволить себе подобного идиотизма, так как времени было в обрез. Выехала я по ряду причин поздно, а хотелось еще засветло добраться до Болеславца.

Дождь шел какой-то неопределенный: то лил потоками, то чуть моросил, но мокрая грязь, летевшая из-под колес множества машин, то и дело заляпывала мое лобовое стекло. Все эти бесконечные ТИРы, громадные контейнеровозы, мне удавалось обходить лишь благодаря приемистости моей машины.

Я уже сообразила, что поехала не по тому шоссе, но сворачивать было поздно. Ладно, как-нибудь продерусь через метрополию, через эту кошмарную Лодзь.

Ну и конечно, перед самой Лодзью случилась автотрагедия. Само происшествие — столкнулись две легковые машины и грузовик, и полиция оперативно перекрыла шоссе — я увидела издалека, но куда мне было деваться? Поток машин с обеих сторон встал, я тоже ударила по тормозам. От участников аварии меня отделяли три ехавшие передо мной машины. Захлопали дверцы — водители и пассажиры массово покидали свои транспортные средства. Похоже, трагедия не обошлась без жертв. Я тоже вышла из машины и на обочине, прямо у моих ног, увидела женщину средних лет. Похоже, от удара ее выбросило из автомобиля. Она пыталась ползти по обочине, выбраться на асфальт. Видимо, несчастная была в шоковом состоянии. Я подбежала к ней. Надо как-то помочь. Зачем она ползет? Ведь это может ей повредить. Вокруг царил невообразимый шум и гам: кто-то истерично требовал вызвать «скорую помощь», кто-то пустил в ход огнетушитель, хотя в нем и не было необходимости, кто-то, похоже, помчался в недалекую Лодзь за помощью.

Мы с пострадавшей находились в некотором отдалении от места столкновения, от ужасной, пахнущей смертью груды искореженного железа. Все устремились туда, на нас никто не обращал внимания.

Нагнувшись над жертвой аварии, я придержала ее за плечо и попросила:

— Пожалуйста, лежите спокойно, вам вредно двигаться. Сейчас медики приедут, а пока лежите вот здесь, тут точно ничего не взорвется.

Бедняжка наверняка была в шоке, об этом свидетельствовал и ее полубезумный взгляд, устремленный на меня, однако послушалась и затихла. Я бросилась к машине: надо хоть чем-то помочь человеку, хотя бы под голову ей положить что-нибудь мягкое. Ничего подходящего не попадалось, а надо торопиться... Ага, вот надувной матрас, разумеется не надутый, я без него никуда не езжу, хорошо, что сунула под кресло.

Бегом вернулась к пострадавшей и попыталась подсунуть под нее развернутое полотнище матраса, пусть хотя бы под голову и грудь. Женщина была в сознании. Беспокойно дернувшись, она опять приподнялась на одной руке, с трудом повернула голову, глянула мне прямо в лицо и со стоном произнесла:

— Беги! Беги скорей! Ведь я... Елена...

Похоже, бредила. Голос несчастной прервался, глаза ее закрылись, и она, обмякнув, свалилась на подложенный мною матрас. Ну как же ей помочь?..

Я стояла, бессильно опустив руки и не зная, что предпринять. Донесшаяся издали сирена

приближавшейся машины «скорой помощи» принесла мне невероятное облегчение.

У меня не было никакого желания оказаться причастной к дорожному происшествию. Пользы от меня как свидетеля — никакой, самого момента катастрофы я не видела. Женщине тоже больше помочь ничем не могла. Оставив потерявшую сознание жертву аварии лежать на моем матрасе и поставив крест на последнем — как-нибудь переживу, — я вернулась к своей машине. На шоссе уже всю действовала дорожная полиция. Перекрыв движение в противоположном направлении, полицейские принялись вдоль обочины пропускать наш поток. Дело шло быстро, через несколько минут двинулась и я. Дождь прекратился. Проползая мимо сцепившихся машин, я опустила стекло, чтобы лучше видеть и слышать, при этом задела за торчащую из кармашка на дверце какую-то бумажку. Интересно, откуда у меня здесь макулатура? Ах да! Совсем вылетело и головы: выходя из квартиры, я выгребла из почтового ящика двухдневную почту, решив прочесть ее где-нибудь по дороге — и без того очень задержалась с отъездом.

Авария в предместье Лодзи, видимо, произвела на меня сильное впечатление, потому что никак не выходила из головы, хотя мне следовало

сосредоточиться на дорожной обстановке. Перед глазами все время стояла несчастная женщина на обочине шоссе. И зачем она ползла? Кажется, у нее ничего не было сломано, руки и ноги наверняка действовали, правда, вся исцарапана, вымазана грязью и кровью, обращенная ко мне щека была ободрана, одна бровь рассечена, но ведь это все мелочи. Тогда почему же бедняга потеряла сознание? Не дай бог, какие-нибудь внутренние повреждения, селезенка или печенька! Хотя вряд ли, не ползла бы с поврежденной печенью. И говорила без особого труда, хотя и слабым, хриплым голосом. А сознание потеряла... так кто бы не потерял на ее месте?

И только когда от места катастрофы меня отделяли многие километры, до меня вдруг дошел смысл слов несчастной. Она велела мне бежать. Но почему, черт возьми, я должна была это делать? Потому, что ее звали Еленой? Может, она ужасно боялась, что взорвется бензин в одном из покореженных автомобилей и мы сгорим? Может, потому и ползла, чтобы оказаться как можно дальше?..

Погодите-ка, а почему жертва катастрофы оказалась так далеко от места столкновения? Не могла же она в считанные секунды отползти на пару десятков метров? Подъезжая, я слышала грохот и лязг, машины столкнулись, наверное, на большой скорости,

как же женщина уцелела? Не застегнула ремень и ее при столкновении выбросило из салона? Прекрасно, и что потом? Вылетела, значит, из автомобиля, описав великолепную дугу, и отлетела... назад? Скорее, ее отшвырнуло бы вперед или в сторону, это не противоречит законам физики, но назад... Допустим, женщина ехала не в легковой машине, а сидела в кабине грузовика, почему бы нет? Столкновение было лобовым, это я поняла, проезжая мимо, и, если так, могла вылететь на шоссе. Но не на мою сторону дороги, а на противоположную! Так не бывает, чтобы что-нибудь, вылетевшее от сильного удара, летело кружным путем, описывая дугу. Изменение траектории подвластно только управляемым объектам...

Тогда откуда появилась на обочине эта женщина?

Надо будет сразу по возвращении заехать в комендатуру полиции Лодзи и разузнать, что же произошло такого-то числа такого-то года. Пусть власть и власти предрержащие разрешат загадку, а то ведь мне покоя не будет. В конце концов, существуют же какие-то физические законы, которые даже автокатастрофа не может изменить!

Впрочем, вскоре Лодзь позаботилась о том, чтобы выбить у меня из головы не только все законы физики, но и всякое воспоминание об аварии. В поте лица продиралась я сквозь ее улицы. Чего

мне стоило не поехать ни в Катовице, ни в Калиш, а выбратся именно на Вроцлавское шоссе! Затем хорошенько сосредоточилась и не пропустила поворот на Згожелец, умница! Солнце еще не село, а я благополучно въехала в Болеславец.

Шедший весь день с перерывами дождь как раз сделал антракт, но я все равно, прежде чем подъехать на заправку, убедилась, что автоматы с бензином стоят под навесом. Спихватилась! Там, на шоссе, бегая с матрасом, я не обращала внимания на морозящий дождь, и, хотя сама не промокла, на прическе можно было поставить крест, как и на матрасе. Сколько сил потребовало от меня сооружение этой самой прически! Ее хватило бы на несколько дней, если держать в сухом виде. Влага же, даже в минимальных количествах, необратимо разрушала шедевр парикмахерского искусства. А ведь я ехала на встречу с мужчиной моей жизни...

Разместившись в гостинице, я, чрезвычайно огорченная, печально оглядела себя в зеркале. Ничего не поделаешь, придется закрутить волосики на бигуди. Решение-то я приняла, а вот осуществить его не сумела. Дело в том, что косметичку с бигуди я засунула в огромную дорожную сумку, заполнявшую почти целиком багажник машины. Сумка была неподъемной, да я и не собиралась перетаскивать ее

туда и сюда, поскольку предусмотрительно отложила минимум необходимых вещей в небольшую подручную торбу. Хорошо продумала, что потребуется в дороге, и аккуратно запихнула все это в торбочку. Бигуди в число необходимых вещей не входили, поскольку я чертову пропасть времени перед отъездом провела в парикмахерской и сочла цилиндрики с резинками ненужным балластом. Сил копать в исполинской кладу я в себе не обнаружила. Да бог с ней, с головой, займусь ею позже, в Штутгарте мне не обязательно быть красивой.

Книга для вечернего чтения находилась в торбе. Вообще-то, следовало бы наконец просмотреть корреспонденцию, извлеченную перед отъездом из почтового ящика... Жаль, раньше не сообразила, теперь не хотелось спускаться за письмами к машине. Ничего, подождут. А может, там что срочное? Отсюда, из Болеславца, я еще могла бы позвонить, пока нахожусь в Польше. Да ладно, устала я, позвонить, в конце концов, можно теперь отовсюду, пусть письма полежат до завтра...

Правильно не занялась я волосами в Болеславце! Иначе на границе среди обрушившихся на меня

неприятностей не нашлось бы ничего, о чем можно было бы думать с удовольствием.

Целый час и пятнадцать минут я простояла в очереди, растянувшейся на пол-Згожельца. Вернее, проползая за раз по два-три метра. Такой хвост в начале мая?! Чтобы убить время, я читала книгу. И лишь когда меня от пограничного заслона отделяло всего несколько автомашин, я спохватилась: корреспонденция, холера ее возьми! Эх, упустила такую оказию, ведь все равно потерянное время. Ну да ладно, еще немного этого времени осталось.

И, отложив книжку, я взялась за письма.

Так, банковские извещения... Ну с этими я расправилась в два счета. Приглашение в Австралию на писательский конгресс не доставило мне радости. Не поеду, пожалуй, в Тихом океане слишком часто свирепствуют тайфуны, удовольствие то еще. Предложение какого-то неизвестного мне издательства заключить на редкость несправедливый по отношению ко мне договор, ну его. Ага, вот и личные письма.

И я распечатала первое подвернувшееся, даже не взглянув на адрес на конверте.

«Проше пани, — значилось на листке, — я считаю, что вы должны это знать, потому и рискую